

— Мы с Игорем Евгеньевичем (Машуковым — ред.) задумали грандиозный проект — уральскую балетную трилогию, части которой будут символизировать нижний, средний и верхний мир, как на изображениях пермского звериного стиля. «Золотой Полоз» — это про нижний, подземный мир, Полоз символизирует Уральский хребет, а также мудрость и единство мира.

Работая над балетом, я понял, что Бажов гораздо более глубок, чем нам казалось, когда мы в детстве читали его сказы. Это целая мистическая система, как будто у него есть сакральная информация, и он её выдаёт намёками. Можно и без Тибета обойтись: на Урале всё это есть, в том числе в литературе. Эта система мне напоминает «Розу мира» Даниила Андреева.

Наш балет — не сказка, а притча. В нём говорится об отношениях отца-дракона и дочери — девушки с золотой косой. Это история об испытании героя: что он выберет — любовь или золото? Это такой «роман воспитания»: главный герой — Алып — и не подозревает вначале, какая ему предстоит дорога, какие испытания — испытание аскезой, испытание временем... Знал бы, мог бы и не решиться!

А что будет во второй и третьей частях трилогии?

— Это лучше спросить у Игоря Евгеньевича. Мы этот пас получили от Владимира Варнавы, это он нам предложил сделать проект по Бажову. Сам хотел ставить, но у него сейчас огромный проект с Гергиевым: он делает в Маринке нового «Щелкунчика». Возможно, он подключится, когда придёт очередь среднего и высшего миров. Но сейчас очередь за Машуковым, он должен музыку написать.

Классический балет весь строится из набора элементов, которые изучаются в балетных школах и называются преимущественно французскими терминами. Случится ли когда-нибудь, что то, что называется современной хореографией, обретёт свой набор устойчивых терминов и превратится в классику? Может быть, никогда?

— Вообще-то это уже происходит, и давно. Танец модерн, появившийся в 1920-е годы, к 1970-м уже покрылся лаком, он хорошо изучен и описан. В нём есть свои классы, станок, этюды, методики преподавания, учебники... Сейчас формируется новый танец — постмодерн, контемпорари — танец поколения, не знавшего войны. Модерн для нас уже слишком причёсанный стиль. Конечно, Айседора Дункан была революционеркой, но наши девушки гораздо радикальнее!

«ЗОЛОТОЙ ПОЛОЗ» — ЭТО ПРО НИЖНИЙ, ПОДЗЕМНЫЙ МИР, ПОЛОЗ СИМВОЛИЗИРУЕТ УРАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ, А ТАКЖЕ МУДРОСТЬ И ЕДИНСТВО МИРА

Каким должен быть танец, чтобы отвечать запросам современной молодой публики?

— На современную хореографию влияет электронный мир — всевозможные гаджеты, виртуальная реальность, социальные сети, игры. Это другая культура, но лет через 20 и она станет канонической — будет ещё один кирпич в здании истории танца.

Классическая хореография — это танец в своей герметичности, танец ради танца. Модерн привнёс в танец телесное начало, определённую логику. В нём очень много логики, много головы, многое идёт от сюжета. В классике сюжет балета — лишь подкладка, на которой строится танец, поэтому там часто такие ходульные сюжеты, такие схематичные: они ведь для того, чтобы наворотить разных танцев — всех этих па-де-де, па-де-труа, мазурок, вальсов... В модерне сюжет выходит на первый план, там важно содержание, какая-то мысль. А сейчас в балете торжествует новая дикость, порыв, глубинная энергия.

Классический танец — это и не тело, и не мысль, а чистое парение. Можно это наглядно объяснить: первая позиция в классике — это выворотные стопы. Для человека это неестественно, потому что эта позиция — неустойчивая. Стоит меня толкнуть — и я легко падаю, я парю! Возвышенное

парение, никакого быта, движение только вверх — вот что такое балетная классика.

В танце модерн я устойчив, я владею собой, я команду телом, я иду за импульсом, за своими желаниями и держусь за землю, питаюсь от неё.

«Сильфиды», «Жизели», «Лебединые озёра» — это чистые мечты. Я обожаю классический балет. Я люблю смотреть на всё это. Но после этого я хочу жить. Современный танец — это наше тело, наша жизнь.

При этом я вижу, что никто не готов отказаться от классической базы — она как волшебный сок, который помогал галлам Астериксу и Обеликсу быть сильными. А танцевать при этом Шекспира или Толкина — десятое дело.

Есть ли в современном танце то, что называется модой? Существуют ли в нём тренды, течения?

— В нашу «религию» приходят отовсюду — и из классики, и из балльных танцев, и из уличных. В зависимости от бэкграунда постановщика и возникает стиль танца. Поэтому современная хореография очень разнообразна, её трудно подразделить на течения, но кое-что всё-таки можно выделить.

Сейчас очень интересна израильская тема — стиль гага, пришедший из труппы «Батшева». Стиль, созданный Охадом Наарином, — это концентрированная свобода движений и в то же время полное единство труппы. Это свобода единомышленников: это наш танец, это наш клан, это наше внутреннее веселье! Техника гага — это импровизация на базе стилизованного единства. Ситуация, когда хореограф задаёт лишь общие стиливые рамки, а внутри них танцовщики импровизируют, — это очень рискованно. Для того чтобы танец получился безупречным, надо очень много работать, очень много тре-